

шей словесности растут новые побег. В нежном Есенине заключена смягченная суровость Некрасова, а уж Александра Твардовского, пожалуй, можно назвать Некрасовым XX века — и по вкладу в поэзию, и по его журнальной деятельности. Валентин Сорокин говорил мне: «Андрей Белый, Николай Клюев, Игорь Северянин, Василий Каменский, Велимир Хлебников, Николай Асеев, Владимир Маяковский — ни один акмеист, символист, футурист, ни один высокоодаренный поэт начала двадцатого столетия не миновал Некрасова: творчество Некрасова — пристань в океане, маяк, посылающий спасительный свет в бурях и метелях русских. Империи рушатся, а поэт незыблем!».

Заседания Некрасовского комитета проходили в библиотеке, носящей имя поэта, — тогда она располагалась в самом центре Москвы, рядом с Литературным институтом. Несколько раз там бывала и я — в качестве журналиста, готовящего для «Учительской газеты» публикации «по Некрасову». Здесь я познакомилась с одним из духовных потомков поэта — Владимиром Филипповичем Некрасовым. Нет, не родственник, однофамилец, но зато какой! Генерал-майор внутренних войск, доктор исторических наук, профессор, создатель собственной научной школы, один из биографов Лаврентия Бери... И исследователь генеалогического древа поэта, коллекционер книг Некрасова, а главное — страстный любитель стихов. Помню его в генеральской форме — высокого, в длинной шинели, в армейской фуражке, сухощавого, резкого в движениях...

Но все-таки главный город в судьбе Некрасова не Москва, а Петербург. Город, где спешил на службу гоголевский Акакий Акакиевич, где проживало несчастное семейство Мармеладовых, описанное Достоевским, где гвардейский офицер Алексей Вронский мечтал покорить Анну Каренину и где молодой поэт встретил свою «музу мести и печали», так непохожую на легкомысленную античную богиню:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Давно уже нет в России публичных телесных наказаний, а есть публичное выворачивание интимности на телеэкране, нет и бурлаков на Волге, тянущих бечевой груженые баржи, а есть среднеазиатские гастарбайтеры, ушло в историческое прошлое крепостничество и право помещиц «первой ночи», но пришла интернет-педофилия, у парадных подъездов сановных вельмож не толкуются «деревенские русские люди» (еще бы, везде охрана и пропускная система!), вместо троек богатые женихи гоняют на иномарках, — но стихи Некрасова все равно берут за сердце! И не только потому, что читая их, ты видишь наглядную картину исторической России — какой она была полтора века назад. В конце концов, учебник истории даст больше фактов и информации. Дело в другом: вся поэзия Некрасова — совестливая! Чувство мятущейся совести — ключевое для понимания его лирики.

Удивительно, Некрасов никогда не был революционером, но его стихи вдохновляли народовольцев и, как мы сказали бы сегодня, «оппозиционеров», на борьбу с несправедливыми общественными порядками, будили среди молодежи гражданские чувства. Белинский в пору их близкого знакомства исповедовал социализм, но молодой Некрасов не проникся идеологическими построениями знаменитого критика — поэзия совести была для него важнее «теории», пусть даже самой передовой. Когда кипели страсти между лагерями славянофилов и запад-